

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-56-59>

EDN: <https://elibrary.ru/uwryly>

ИПОН: 2003-0059-5/25-376

MOSURED: 77/27-003-2025-05-575

О декларативности Конституции Российской Федерации

Теймураз Эльбрусович Каллагов

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия, mail@law-books.ru

Аннотация. Комплексно анализируются проблемы декларативности норм Конституции Российской Федерации. Исследуется диалектическая природа Основного закона, который, с одной стороны, содержит программные, учредительные нормы-принципы, а с другой, — задает вектор для развития текущего законодательства. На конкретных примерах, таких как реализация права на жилище (в частности, механизм обеспечения жильем детей-сирот) и прямое действие права не свидетельствовать против себя (ст. 51 Конституции РФ), демонстрируется, как конституционные предписания преодолевают декларативность через детальную конкретизацию в федеральном законодательстве. Делается вывод, что эффективность реализации конституционных норм напрямую зависит от степени развития обеспечивающих их правовых механизмов, а сама Конституция выступает не статичной декларацией, но живым ориентиром для законодателя, формирующим основу для всей национальной правовой системы.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., Федеральный закон РФ от 6 февраля 1998 г. «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации», система нормативных правовых актов, юридическая сила, декларативность, праворегулирование

Для цитирования: Каллагов Т. Э. О декларативности Конституции Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 56–59. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-56-59>. EDN: UWRLYU.

Original article

On the declarative nature of the Constitution of the Russian Federation

Teymuraz E. Kallagov

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia, mail@law-books.ru

Abstract. The problems of declarative norms of the Constitution of the Russian Federation are comprehensively analyzed. The dialectical nature of the Basic Law is investigated, which, on the one hand, contains programmatic, constituent norms and principles, and on the other hand, sets a vector for the development of current legislation. Based on specific examples, such as the realization of the right to housing (in particular, the mechanism for providing housing for orphaned children) and the direct effect of the right not to incriminate oneself (art. 51 of the Constitution of the Russian Federation), demonstrates how constitutional prescriptions overcome declarativeness through detailed specification in federal legislation. It is concluded that the effectiveness of the implementation of constitutional norms directly depends on the degree of development of the legal mechanisms that ensure them, and the Constitution itself is not a static declaration, but a living guideline for the legislator, forming the basis for the entire national legal system.

Keywords: Russian Federation, legislation, normative legal act, Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, Federal Law of the Russian Federation dated February 6, 1998 «On the Procedure for the Adoption and Entry into Force of Amendments to the Constitution of the Russian Federation», system of normative legal acts, legal force, declarative, legal regulation

For citation: Kallagov T. E. On the declarative nature of the Constitution of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):56–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-56-59>. EDN: UWRLYU.

Одним из вопросов современной юридической науки является определение степени декларативности норм Конституции Российской Федерации и их реальной роли в механизме правового регулирования. Многоаспектность данной проблемы порождает широкий спектр научных позиций, отражающих сложность взаимодействия конституционных предписаний с действующим законодательством.

В научной литературе имплементационная деятельность государства часто рассматривается через призму философских категорий. Так, В. В. Лазарев, раскрывая содержание имплементационной деятельности, апеллирует к общеправовому эпистемологическому принципу дополнительности. Указанный принцип служит доказательством существования иррациональной, ненаблюдаемой стороны

© Каллагов Т. Э., 2025

правовой реальности, которая пребывает в неразрывном единстве с видимым, рациональным миром, составляя лишь фрагмент более общей картины. Подобный подход позволяет учитывать скрытые факторы, влияющие на реализацию конституционных норм [3].

Обращаясь к источникам международного права, разберем несколько мнений ученых. О. И. Тиунов, например, обосновывает тезис о том, что идеи Всеобщей декларации прав человека нашли свое непосредственное отражение в тексте Основного закона России. Эти идеи составляют базовую основу российского законодательства, что проявляется в конституционном признании прав и свобод человека естественными и неотчуждаемыми, высшей ценностью. Ученый полагает, что положения Декларации, получившие признание в практике многих государств, включая Россию, следует считать юридически обязательными установлениями, обладающими характером международно-правовых обычаев. Следовательно, закрепленные в Конституции принципы приобретают значение фундаментальных основ, не подлежащих пересмотру в обычном законодательном порядке [5].

Практические аспекты имплементации анализируются в контексте конкретных отраслей права. Исследование К. А. Пономаревой посвящено зарубежному опыту внедрения новых правил налогообложения международных групп компаний. Автор указывает на существенные сложности, связанные с определением applicability правил pillar 2 и расчетом эффективной налоговой ставки для каждой юрисдикции, что неминуемо приводит к расхождениям между данными корпоративного и национального налогообложения [4].

В сфере уголовного судопроизводства В. В. Зинин, анализируя имплементацию международных антикоррупционных стандартов, предлагает инновационный подход — введение в уголовное право России института разрешения коллизий уголовной юрисдикции. Такой институт мог бы предусматривать возможность отказа от национальной юрисдикции в пользу иностранного государства при соблюдении гарантий защиты прав потерпевших [2].

Межотраслевой характер имплементации раскрывается в работе Е. В. Буровой, где рассматривается защита прав детей на международно-правовом уровне. Автор проводит сравнительный анализ меж-

дународных документов, выявляя общее и особенное в подходах к защите прав человека и ребенка. Подчеркивается, что имплементация международных норм оказывает трансформирующее воздействие на национальное законодательство, меняя характер отношения к детству, материнству и семье. Указывается на недостаточную теоретическую разработанность этих процессов в науке семейного права, несмотря на их важность для осмысления новых правовых конструкций, определяющих статус детей [1].

В качестве фундаментальных основ правовой системы в Конституции [6] закреплены ключевые положения: демократический, федеративный и правовой характер государства (ч. 1 ст. 1), высшая юридическая сила и прямое действие Основного закона (ч. 1 ст. 15), а также интеграция общепризнанных принципов и норм международного права в национальную правовую систему (ч. 4 ст. 15). Порядок изменения конституционных положений регламентирован специальным Федеральным законом «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» [7], что подчеркивает их особый, стабильный статус.

Одним из ключевых принципов, закрепленных в ст. 15 Конституции Российской Федерации, является прямое действие конституционных норм. Это означает, что суды и иные правоприменительные органы обязаны применять конституционные положения непосредственно, в том числе в случаях, когда текущее законодательство недостаточно развито или противоречит им. Ярким примером нормы, обладающей ярко выраженным прямым действием, является ст. 51 Конституции РФ, гарантирующая право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

Несмотря на прямое действие ст. 51 Конституции, ее базовые принципы детализируются и процедурно обеспечиваются в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ). Это не дублирование, а создание правового механизма, обеспечивающего эффективность реализации конституционной нормы.

Так, ст. 56 УПК РФ («Свидетель») обязывает следователя или дознавателя предупредить свидетеля об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Однако, в той же статье прямо указано исключение, вытекающее из ст. 51 Конституции: свидетель не может быть принуждаем к даче показаний против себя самого, своего супруга

и близких родственников. Таким образом, УПК РФ не создает новое право, а институционализирует его, встраивая в систему уголовного процесса.

Аналогичным образом ст. 46 УПК РФ («Подозреваемый») и ст. 47 УПК РФ («Обвиняемый») прямо разъясняют этим участникам процесса их право на молчание, основываясь на конституционной норме. Более того, п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ закрепляет право обвиняемого на защиту, которое включает в себя и право отказаться от дачи показаний.

Наличие в УПК РФ схожих принципов не свидетельствует об избыточности или декларативности конституционной нормы. Напротив, это демонстрирует вертикаль правового регулирования: от общего конституционного принципа — к его конкретному воплощению в отраслевом законодательстве. Прямое действие ст. 51 Конституции служит «страховочной сеткой» на случай любых пробелов или коллизий в уголовно-процессуальном законе, гарантируя, что фундаментальное право человека на защиту от самообвинения остается нерушимым при любых обстоятельствах.

Гл. 2 Конституции РФ является одной из самых прогрессивных в мире с точки зрения закрепления прав человека. Она гарантирует право на достойную жизнь, свободу мысли и слова, право на объединение, свободу собраний, право на жилище и т. д.

П. 1 ст. 40 Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища». Данная формулировка, будучи классической нормой-принципом, сама по себе не порождает конкретных юридических обязанностей государства по предоставлению жилья каждому гражданину. Однако она устанавливает фундаментальный правовой ориентир, который получает свое развитие в отраслевом законодательстве. Она учреждает право на жилище в качестве одного из основных прав человека и, одновременно, задает программу для дальнейшей нормотворческой деятельности государства, обязывая его создавать правовые условия для осуществления этого права.

Реализация социальной обязанности государства, вытекающей из ст. 40, осуществляется прежде всего через Жилищный кодекс Российской Федерации (ЖК РФ) и ряд федеральных законов и целевых программ. Законодатель, развивая конституционный принцип, дифференцирует обязательства государства, направляя адресную помощь наиболее социально уязвимым категориям граждан.

Наиболее показательной, с точки зрения реализуемости конституционной нормы, является система обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Данное направление государственной политики регламентируется Федеральным законом от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в частности, ст. 8). Закон устанавливает императивную обязанность органов государственной власти субъектов РФ обеспечить за счет средств региональных бюджетов предоставление таким гражданам благоустроенного жилья специализированного жилищного фонда по договорам найма.

Эта правовая конструкция демонстрирует, как конституционный принцип трансформируется в конкретное субъективное право определенной категории лиц, обеспеченное государственным принуждением. Несовершенство механизма (например, наличие очередей) свидетельствует не о декларативности самой нормы, а о проблемах административно-финансового характера на уровне ее исполнения.

Анализ позволяет сформулировать ряд выводов, подтверждающих необходимость дальнейших исследований декларативности Конституции. Бесспорно, Конституция РФ обладает высшей юридической силой в иерархии нормативных правовых актов. В системной классификации она, наряду с федеральными конституционными и федеральными законами, относится к родовому понятию «закон». Однако, значительная часть конституционных норм отличается декларативным характером, требующим конкретизации в отраслевом законодательстве. В связи с этим прямое действие конституционных предписаний является скорее исключительным явлением, применяемым в случаях пробелов в законодательстве или при особом указании в самой Конституции, как, например, в случае с положениями об иммунитете отдельных участников судопроизводства. Следовательно, основным путем реализации норм Основного закона остается их детализация в актах меньшей юридической силы, что и порождает дискуссии о реальной, а не провозглашенной, роли Конституции в правовой системе. Конституция дает толчок развитию федерального законодательства, выступая в роли первичного правового фундамента. Именно на ее основе формируется вся национальная правовая система.

Список источников

1. Бузова Е. В. Имплементация норм международного права по защите детей в законодательство РФ // Семейное и жилищное право. 2024. № 1.

2. Зимин В. В. Имплементация международных антикоррупционных стандартов, касающихся уголовной юрисдикции, в российское законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3.

3. Лазарев В. В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9.

4. Пономарева К. А. Зарубежный опыт имплементации новых правил налогообложения международных групп компаний // Налоги. 2023. № 4.

5. Тиунов О. И. Всеобщая декларация прав человека в нормах международного и конституционного права // Журнал российского права. 2009. № 2.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 12 дек.; 2020. 4 июля.

7. Федеральный закон от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ (последняя редакция) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 10. Ст. 1146.

References

1. Burova E. V. Implementation of the norms of international law on child protection in the legislation of the Russian Federation // Family and housing law. 2024. No. 1.

2. Zimin V. V. Implementation of international anti-corruption standards related to criminal jurisdiction in Russian legislation // Actual problems of Russian law. 2022. No. 3.

3. Lazarev V. V. Philosophical foundations of implementation activity // Journal of Russian Law. 2020. No. 9.

4. Ponomareva K. A. Foreign experience in the implementation of new taxation rules for international groups of companies // Taxes. 2023. No. 4.

5. Tiunov O. I. Universal Declaration of Human Rights in the norms of international and constitutional law // Journal of Russian Law. 2009. No. 2.

6. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 12; 2020. July 4.

7. Federal Law of March 4, 1998 No. 33-FZ (latest version) «On the procedure for the adoption and entry into force of amendments to the Constitution of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 10. Art. 1146.

Библиографический список

1. Галузо В. Н. О правовом регулировании как альтернативе право-применения в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 5–8.

Bibliographic list

1. Galuzo V. N. On legal regulation as an alternative to legal application in the Russian Federation // International Journal of Constitutional and State Law. 2022. No. 1. P. 5–8.

Информация об авторе

Т. Э. Каллагов — декан юридического факультета Горского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. E. Kallagov — Dean of the Faculty of Law of the Gorsky State Agrarian University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.